

Алексей Колесников

ЗАКРЕПЩИК

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА
Санкт-Петербург

Переживи всех.
Переживи вновь,
словно они – снег,
пляшущий снег снов.
Переживи углы.
Переживи углом.
Перевяжи узлы
между добром и злом.

И. Бродский

День проглочен фабрикой, машины
высосали из мускулов людей столько
силы, сколько им было нужно. День
бесследно вычеркнут из жизни, чело-
век сделал еще шаг к своей могиле, но
он видел близко перед собой наслаж-
дение отдыха, радости дымного каба-
ка и – был доволен.

«Мать» М. Горький

НЕУВЕРЕННОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Возможно, все события и персонажи романа вымышлены. Скорее всего, любое сходство с людьми и фактами реальной действительности является случайным. Похоже, что почти всем используемым в романе словам и словосочетаниям придано иное значение, отличающееся от общепотребимого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Одиночество разрушает и вызывает привычку. Осознав это, я решил найти *хорошую женщину*. И ещё стал вором, потому что нищета гораздо хуже одиночества.

Мужчина в отличие от юноши знает, как выбрать *хорошую женщину*. Мои критерии были конкретными: пусть любит то же, что и я. А ещё формы попышнее и пусть волосы вьются. Лучше всего, чтобы была похожа на мою Верре-ра-ру.

Отринув (ах, какое слово!) белое ледяное вино, песню «Вечная весна» Летова и жареную картошку с молоком, я решил, что *хорошая женщина* должна любить книги. И искать её нужно там, где поменьше рынка и побольше души.

Книжный в моей провинции один. Там книги бросаются на посетителя пёстрой сворою, продавцы как надзиратели, а всё приличное свалено в отдел распродажи. Книги там товар, а не продукт. Наш книжный женщины посещают, чтобы купить тошнотворную бизнес-литературу или подарочное издание «Мастера и Маргариты» для первой учительницы. Это совсем не то.

Душевное место – библиотека.

Лет в двадцать я оформил туда абонемент. До женитьбы мне удавалось посещать её часто. В браке реже, а после развода совсем перестал. Уже и забыл, как это: отыскать по заранее подготовленному списку две-три книжки и утащить их в своё логово, как кошка удушенных воробьёв.

Да... книги – это не хуйня. Бывает, в хмуром настроении бродишь по городу, шепча любимые с юности стихи, и думаешь, глядя в лица прохожих: «вам насрать на поэзию, а мне нет». *Хорошая женщина* должна любить книги.

Чаще в отделе абонемента мне попадались сумасшедшие старухи, складывающие мятые детективы в застиранный шелестящий пакет.

– У вас задолженность, – объясняет ласковая взрослая библиотекаря. – Берёте четыре книги, а возвращаете две. И так каждый раз. Четыре отсюда – две сюда.

– Вот тут, – старческий палец ложится на жёлтую обложку, – приличный сюжет. А вон там... – старуха показывает ладонью. У неё нет слов.

– Разве важно, какой сюжет? Нужно вернуть всё, что взяли.

Старуха игнорирует претензии, как моду.

Старики ещё смешнее. Они читают про геополитику. Спорят во дворах друг с другом. У каждого своя версия и предчувствие. Россия окружена: в подбрюшье Украина коверкает язык, со спины крадётся извращенка-Европа, точит серп Турция. Не пряча оскал, как оползень, надвигается Азия, а далее – везде: в свинцовых облаках, океане, под плодородной почвой гноится сучка зелёная США.

Думаю, именно благодаря мне за второй квартал того года библиотека сдала приличный отчёт о посещаемости.

В тесных проходах между громадными шкафами я регулярно листал про «кровавого Сталина» или «про детскую травму», присматриваясь к посетительницам.

Как-то задумавшись, я вышел из библиотеки с карманным изданием стихов Хлебникова. Опомнившись, я вернулся в читальный зал и извинился. Библиотекарша, и так всегда смотревшая на меня с подозрением, теперь отметила:

– Суетной вы.

Иногда сквозь смрад бумажного тления пробивался османский или альпийский аромат женских духов. Тогда, как маньяк из-за гаража, я выныривал из книжного коридора и замирал у полки: «Книги родного края». Чаше это заглядывали студентки первых курсов, отличающиеся свежестью тел и непорочностью сознания. Последнее – не годится. Одними контактами одиночество не вытрясешь.

Была девушка с обветренными руками, которую я напугал. Она улыбнулась, смутилась и прочь.

И другая, которая обнажила в улыбке кривой штакет зубов и выговорила на ядерно-шепелявом:

– Сразу заметила твои глазёнки. Думаю: гляди, Сашуля, – женихаться милёнок надумал. Я за Мамлеевым причапала. А ты, сокол ясный, зачем пожаловал?

Я соврал, что за библией, и поспешил уйти.

Впрочем, лёжа ночью в постели и рассматривая отражение окна в зеркале, я пожалел, что пренебрёг шепелявой. У неё были непомерно длинные руки, гарантирующие крепкие объятья.

Наконец-то мне повезло. Была середина мая, воскресенье и самый краешек дня. Скрипнула дверь (некому

смазать – бабы одни), и послышался приятный низкий голосок.

Совсем не то, чего я хотел, но ведь так всегда и случается. Высокая и очень сухая брюнетка. Не выкормит, не выносит, не придавит к кровати как следует. Личико зато чистое, нарисованное без отрыва. Единственное, что его портило, – ямочка на подбородке, как от нажатия пальцем. В этом угадывался отцовский ген.

С библиотекаршей она коммуницировала запросто. *Хорошая женщина* со всяким общим языком найдёт. Она везде как дома.

Я не сразу заметил слишком белые зубы, простой, а потому, вероятно, очень дорогой пиджачок и серьги с рубином. (Белое золото, грамма три с четвертью карата огранки «Маркиз».)

Пока я листал книгу про наш приграничный город с берёзами на каждой странице, с попами и мужиками в пиджаках, она получила у библиотекарши какой-то листик и ушла. Я устремился за ней сквозь облачко духов, как сквозь душу.

Обряды и ритуалы – это очень человеческое. Обмен кольцами у брачующихся важнее, чем штамп в ЗАГСе. О траурных мероприятиях или о казни и говорить нечего. Мы прячемся в символическое. Всё неловкое, страшноватое, малоприятное заменено ритуальными действиями.

Во все времена человечество имело консенсус и о том, как правильно знакомиться: танцы, представление общим знакомым, шлепок по заднице в конце концов. В нынешнее же время обряд знакомства отсутствует, поэтому приходится мучительно импровизировать.

Конкретно приходится импровизировать мне.

Она получила диковинную короткую шубку в гардеробе и встала у зеркала.

Я был спокоен, но думал, что если ничего не выйдёт, то сегодня же брошу эту затею и напьюсь; потрачу заначку на шлюху, сочащуюся от воспоминаний, болезней и...

– Привет, – сказал я, – жениться надумал. За Мамлеевым приходил, но глазёнки твои ясные заметил. Дай, думаю, покажусь. – Я указал на себя открытой ладонью. – Забери товар по акции. Можно в рассрочку.

Только лохи скалятся, когда комикуют. Невозмутимый, я стоял перед ней и ждал реакции. Не сказать чтобы она испугалась. Напротив – в лице заинтересованность. Глянула на мои длинные волосы, в глаза, а потом на ботинки:

– Это вы так знакомитесь? Ну, допустим. – Она протянула руку.

Её звали Женя Продан (молдавская фамилия), и она приходила не ради книг, а чтобы подписать обходной лист. Скоро выпускной.

– Нудная стоматология, – сказала Женя. – А вы где учитесь?

– Уже давно нигде. Я работаю на ювелирном заводе.

– О, – протянула Женя, видимо, подразумевая, что вместо члена у меня громадный бриллиант, – а вы зачем сюда пришли?

– За вами.

После обмена неловкостями я дал ей свой исцарапанный телефончик. В ответ на вопрос: «как тут?» нажал нужные кнопки. Женя собрала циферки в номер своего телефона (восьмёрки, пятёрки и единица), а потом распахнула пиджачок, демонстрируя компактное тулово, обтянутое

майкой. Запахло цветочным дезодорантом. Я смог рассмотреть глазок пупка и две шишечки размером с алычу на месте груди.

И ладно.

Аристократка не таскает на опухшем вымени младенцев. Она пьёт чай со смородиновым вареньем и думает о том, куда летят лета.

Женя что-то спросила насчёт погоды, попросила не звонить ночью и не распространять её номер.

– Вы же адекватный? Без нарушений? – Она постучала пальцем по лбу.

– Адекватный, но с нарушениями.

Улыбнулась, отказалась от предложения проводить её до дома и направилась к выходу.

– А если я замужем? – спросила она на ходу.

– Мне кажется, что вы одинокая. Правильное предположение?

– Оно имеет под собой склонность.

Склонность? (Потом выяснится, что Женя гениально коверкает устойчивые выражения.)

– Мы увидимся?

– Не знаю, у меня всегда дел полный рот. – Сказав это, она и сама усмехнулась и покраснела.

– Я могу надеяться?

Кивнула.

Сквозь остеклённую дверь библиотеки я наблюдал то, чего не мог предположить. (Мог, ведь серьги дорогие и взгляд по-купчески любопытствующий.) Женя уселась в золотой «Порше» и, низко пригибаясь над рулём, укатила прочь на огромной скорости.

И дело было не в её свежести и миловидности, хотя и в них тоже. Никогда прежде у меня не было такой девушки. В ней была врождённая холёность, что возбуждало, как табу. А ещё она дала понять, что у меня есть шанс.

Гардеробщица и охранник позабыли о телевизоре, который рассказывал о «ситуации на Украине», и всё это время затаённо наблюдали за нами.

Я успокоился мыслью о том, что здоровый контакт преодолевает классовую пропасть. А любовь тем более.

У меня русская зарплата: маленький оклад и якобы неограниченная премия, которая зависит от количества изделий. «Ты можешь зарабатывать больше директора, если...» Если что? Если Земля соскочит со своей оси?

Язык всё стерпит. Как-то я обещал накормить двумя банками шпрот пять тысяч человек.

Зарплаты хватает на аренду жилья и проезд до работы. Остальное растворяется в дешёвом русском вине и незамысловатом трёхразовом питании.

Предыдущая работа – офис – была хуже. Там постоянно приходилось натягивать маску умственно отсталого.

На производстве не так. Твоя лояльность на заводе – классно выполненное изделие, а не поддакивание. Такой вариант эксплуатации гораздо гуманнее. Маркс об этом, между прочим, не писал.

И действительно, обретя навык, усердствуя, можно зарабатывать больше. Для этого, правда, нужно приходиться на завод в субботу и воскресенье. Некоторые у нас, особенно те, кто платят ипотеку и воспитывают детей, месяцами работают без выходных.

Раньше это казалось мне смешным. Ради банального накопления я бы и мизинцем не пошевелил. Целых два года я просидел в офисе с дюжиной бальзаковских тёток, презирающих меня по половому признаку. (И за то, пожалуй, что я не способен пожирать зефир в оптовых объёмах.)

Тогда-то и развалился, как в оттепель снеговик, наш с Ве-ре-ра-рой ранний брак. Сейчас кажется, что наша семья была перспективной. Моя невысокая, косоглазенькая Ве-ре-ра-ра была волнующей, деликатной и заботливой. *Очень хорошая женщина.*

Ещё Ве-ре-ра-ра, к моему неудобству, была более развитым и целеустремлённым человеком. Если бы не она, мы бы не перенесли тяготы студенческого брака.

Когда-то нам (а если быть честным, то мне) понадобились деньги. Немного, но срочно. Я впал в анабиоз, убеждённый, как и сейчас, что честных способов заработка не существует. Заняв по пять копеек у приятелей и родных, я сложил руки. А Ве-ре-ра-ра тихонько продала свой старенький «Пежо», подаренный отцом ещё до свадьбы, и положила на кухонный стол денежный брусочек. Я ещё смел обвинять жену в непрактичности. Обещал со временем всё компенсировать. Конечно же, этого не произошло.

«Оу, не сомневаюсь в том, что ты не сомневаешься в том, что всё вернёшь», – издевалась тогда Ве-ре-ра-ра.

В день нашей свадьбы на крышу местного театра упала какая-то алюминиевая деталь от ползущего в Москву самолёта. Никто не пострадал, даже самолёт, но многим стало тревожно. В наш город к вечеру приехал столичный журналист в белых брюках. Он с брезгливым лицом сообщил о случившемся. Местную власть столичное внимание насторожило сильнее валящихся с неба железок.

Всё это не осело в бокалах нашего шампанского. Мы веселились до края ночи, а вернувшись домой, хлопнули батиного самогона, сделали отныне (не во грехе) законный контакт и доели кусок жирного торта. Ве-ре-ра-ра уснула пластом на диване в белоснежном белье. А я долго изучал показавшийся обновлённым ночной двор сквозь оконное стекло и, кажется, был счастлив.

Порой я стыдился того, что все ещё кругом заводят романы, а я вот взял и так рано женился. Но нам было комфортно с Ве-ре-ра-рой. Её мать говорила: «Ясно, что у вас это навсегда». Она приторно улыбалась, произнося это. А моя мамочка, наоборот, покашливала, осматривая мой свадебный костюм в примерочной супермаркета «Мега Грин», и сокрушалась вслух, не стесняясь сотрудников отдела: «Разбежитесь через два месяца, а болеть будет всю жизнь». Ничего кошмарнее расторжения брака она и представить не могла. Фразу, относящуюся к тому или иному человеку: «в разводе» мама произносила исключительно с цинковым презрением в голосе. Понимая, что наш союз обречён, она заранее переживала его разрыв. Я ругал её за это.

Материнский свадебный тост был полон оптимизма и лести. Пришлось прервать её, чтобы не началась изжога, и гости уставились на меня с осуждением. В образовавшейся паузе, совершенно беззвучной, обменявшись взглядами, мы поблагодарили друг друга.

С Ве-ре-ра-рой мы прожили несколько лет в любви и, что важнее, в согласии. Начитавшись Льва Т., я думал, что достаточно жениться по любви и счастье гарантировано. Я ошибался. К тому же я не знал, что студенческие браки недолговечны.

Между нами возникли непрощаемые обиды, крошечные, но кусючие, как клопы, тайны и тошнотворные подозрения. Ругаясь раз в неделю, мы пытались высказать всё самое обидное и злились, если получалось так себе. Прощения не просили. Появились отдельные мечты о будущем. Признавались в этом друг другу, если написались.

И был летний вечер, наступивший после знойного воскресенья. И на стыке дня и вечера пролился дождь. И земля теперь пахла влагой, сырой пылью и чем-то ещё из детства.

Я засиделся у тогда ещё не женатого Мишки в его мастерской (съёмная холостяцкая квартира с мансардой).

Меня, сидящего на шатком стуле в пустой комнате, среди диких картин, художник окружил армией пивных бутылок, которые не пускали к жене. Я чудом смог удрать, когда Мишка неловким движением перевернул парочку из них, создав брешь в авангарде алкоотряда.

Ве-ре-ра-ра уже спала. Я тихо пробрался к её июньской, в капельках пота, спине и затих.

- Хотела с тобой поговорить.
- Так-так.
- Теперь уже завтра.

Утром во время сборов на работу она объявила, что уходит от меня и что решила давно.

- Куда? – не сразу подобрал я вопрос.
- Сначала к родителям, а потом (уже купила билеты на пятницу) в Санкт-Петербург. Помнишь, я говорила, что прохожу собеседование?
- Нет.
- Знаю. Меня позвали в Эрмитаж экскурсоводом.

– Господи боже, – испугался я. – Ну хорошо. А где жить? Неужели там щедро платят?

Я припомнил, что там живёт её незамужняя и бездетная племянница-ровесница, с которой они каждую субботу долго болтали по телефону.

– Платят там прилично, но для меня это не конечная цель.

Отринув гордость, я поинтересовался: почему меня – человека не авантюрного, но лёгкого на подъём, законного мужа, способного любым отроском тела доставить ей удовольствие, перспективного писателя или поэта (я тогда мучительно определялся), латентного революционера – она не приглашает в новую жизнь.

– Пф, разве ты поедешь? – удивилась Ве-ре-ра-ра.

– Нет, конечно! Там... Там... Третью жизни проходит в метро и... – Что-то ещё, какие-то причины дальше жить в провинции без моря выдумывал я. А жена застёгивала блузку на поллитровой груди, ссыпала в сумочку бархатные мешочки и глотала кофе с пятью ложками сахара.

Я со студенческих лет ненавидел разговоры про Санкт-Петербург. Склонная к творчеству молодёжь наделила этот город особой силой, покровительствующей художникам. Но ведь в реальности – это просто памятник под открытым небом, в котором Балабанов снимал кино, когда мы были маленькими.

– Меня тошнит от этого города размером с детскую площадку. – Ве-ре-ра-ра села на пуфик. – Мы ведь оба мечтали, блин, об интересной жизни, помнишь? Оглянись – мы второстепенные персонажи. – Её руки разведены в стороны, ноги скрещены, а лицо выражает усталость учительницы, пришедшей в чужой класс на замену.

Я пытался комиковать, хватал жену за руки, совал нос в её волосы, но она решительно меня отталкивала:

– Ой, отстань! Шо ты хочешь? Хто тебе сказал, шо только у тебя на жизнь огромные планы? – «Шо, хто» и южное «г» прорывались у Ве-ре-ра-ры в минуты сильного волнения. Мы все тут, в той или иной мере, говорим на суржике. Особенно такие, как мы с Ве-ре-ра-рой – поселковые-лапуховые. Ещё на первом курсе я постарался выдавить из себя привычный с детства суржик (закомплексованный был мальчик). А Ве-ре-ра-ра только к концу университета, за год до защиты диплома на журфаке попросила: «Пинай меня, если я гэкаю или шокаю». Я пинал. Покусывал. Пощипывал. В кадре местного телевидения, куда её пустили пару раз, она смотрелась идеально и говорила, как диктор на военном параде. Но дома, без посторонних, в особенно нервные минуты язык рода прорывался во всей своей красе: «Колы мэни нужно буде, тади я у тэбэ и спрощу! Хто ты такый, шоб мэни це высказывать?» – «Як хто, – отвечал я, легко переключаясь. – Мужик твий!»

Ве-ре-ра-ра, як же мэни тебэ не хватае!

Она умела принимать решения и придерживаться плана. Того же она требовала и от меня. Очень расстраивалась, если я отказывался действовать. Ей казалось, что это слабость. Нет-нет, это попросту нежелание искать огнетушитель, когда горит вся планета.

И вот, без прощальной любви, просьбы сообщать о здоровье и бодрости духа она уехала. Наша съёмная однушка сбросила пару сотен килограммов и осталась без платьев, сапожек, причудливых мочалок, белоснежных банных полотенец, сестричек-сумочек (белой и бежевой),

флакончиков, пузырьков и борщовой кастрюли. Оказалось, что худоба квартире не к лицу. Помню, что я был смущён наготой прихожей.

(Съезжая с той, бывшей нашей, уютной, правильно подобранной для двоих, но невыносимой для одного квартиры, я не жалел. Я уезжал в мир, где ждала меня одна кружка, одна зубная щётка, размером с напёрсток супница и туалет без дверей. На старенькой кровати, у которой вместо ножки – книги, мне было просторно, хотя и холодновато. Зато ничего не напоминало об отсутствии Ве-ре-ра-ры).

– Прощальный контакт? – предложил я, подавая Ве-ре-ра-ре нашу совместную фотографию, сделанную на втором курсе незадолго до свадьбы в универсской столовой.

На миг вспыхнувший в её глазах азарт тут же уступил место скуке.

– Жарко, – возразила она.

Не всё, но часть времени ушла на осознание произошедшего. Какая-то часть (поменьше) – на изживание. Период был чёрненький, нездоровый.

Без жены быстрее закончилось лето. Домой с работы, ибо незачем спешить, я ходил пешком. Как неузнанный городом, брёл к его окраине. Нырял в настоженные сумерки осеннего частного сектора. Оттуда к железной дороге. Слева и справа домики в позднесоветском стиле.

Высоко шагая, пересчитывал все десять рёбер железной дороги и оказывался в районе с «чистыми, но из-за удалённости недорогими квартирками». Так мой новый район называла пахнувшая табачищем риэлтор.

ГЛАВА 2

– А я заметил, что у тебя всё хреново получается. Детей запланируешь – не получатся. Не доделаешь. Голова на ножках родится и денег попросит. – Гриша Мельник ругает меня, а я как крамсковский «Христос в пустыне» смиренно сижу за верстаком. Мазок весеннего солнца (долгожданного) тянется наискось через цех.

Инкрустированные мною искусственные бриллианты (выращенные, как бройлерные курочки) вывалились из вчерашних колец – трагедия! Не доверяя мне, Мельник, прежде чем нести изделия на ОТК, стукнул ими о краешек стола. Раз, два и (сильнее) три. Фианиты выкатились, как слезинки.

Такое бывает. Заурядная производственная проблема, которая исправляется за минуту. И всё же он орёт. Ему не лень придумывать всё новые и новые формулировки, описывающие мою безалаберность. Начальник! Он позволяет себе изощрённые оскорбления. Все слушают и не шевелятся, равно как и я сам.

Как в наши времена защитить свою честь? Достоинство? Общество совершило непоправимую ошибку, передав эту функцию государству. Левиафану вечно не до этого. Его башка занята статистикой смертей, рождений, количеством призывников, ростом процента инфляции и определением уровня общественного недовольства. Эх, как бы было здорово, когда бы я мог вызвать своего начальника на дуэль! Желательно на шпагах! Минута – и из его жирной шеи бьёт струйкой кровь. Я бы не сморгнул, протыкая эту тушку. И девочки бы плакали, и мужчины бы восхищаясь, руку трясли. А самое главное,

никто бы не посмел больше сказать, тыча в меня пальцем: «мудак».

Как он орёт! Смотрит в потолок и поднимает к нему руки с серьгами. Он будто проклинает небо.

Но вот уже исчерпывается крик. Наши слушают его настороженно и почтенно.

– Корневая закрепка самая сложная. – Я швыряю перчатки на стол, чтобы поскорее выдавить из Мельника остатки гнева. Он же набирает в грудь воздух, и инквизиция начинается заново. Много риторических вопросов и матов.

– Гриш, ну всё это понятно. Но само изделие... ты посмотри – дырочка должна быть под полкаратника, а она больше. Вот линейка. – Отмеряю на линейке пять миллиметров.

Мельник остывает. Устал орать, вот-вот и сменит маску луны на маску солнца. Ему уже тридцать пять (невероятных!) лет. Он любит свою должность, обожает орать и никогда потом не стыдится.

Это было через неделю после знакомства с Женей Продан. Чуть присмирив после очередного приступа воспитания, Мельник вдруг спросил:

– Ты выучил этапы изготовления ювелирного изделия?

Я нахмурился.

– Веди и рассказывай. Ошибёшься – лишу премии.

Я решил комиковать, чтобы добиться прощения:

– Представьте: он и она – оба пьяные. У каждого по бокалу в руке. Два бокала – дзынь! – Я развёл в стороны руки, вовлекая наших в представление. – День рождения! И не важно, сколько ей исполняется, потому что её возраст

неопределим. Она всегда – огонь. А он... – как экскурсовод, я сделал интригующую паузу, – а он помнит то сошествие, на котором разбирался вопрос о...

– О повышении ээпэхи!

– Верно. Ему предлагал финдир повысить зарплату работникам на пять процентов. Графики рисовал. Потел и припукивал. А он (властелин предприятия) слушал-слушал, а потом сказал: «Не надо на пять. Давайте на три». Запомнил: «три». А потом, уже вечером, пошёл покупать колье из белого золота с бриллиантами круглой огранки. Это колье стоит, как двухкомнатная квартира. В центре! – Я кивнул в сторону пыльного окна, сквозь которое виднелся элитный жилой комплекс.

– Пойдём уже, – попросил Мельник.

Я начал экскурсию. Мы шествовали мимо отделов и цехов, ограждённых друг от друга прозрачной пластмассой. В тесном коридоре коробки, упаковочная бумага и канистры со смесями. Под ногами золотая пыльца. Пахло металлом, куревом из внутренней душистой курилки и лишь изредка духами от наших девочек. По пути нам встретился худой и бледный начальник производства – А. Ю. Ткач. Он потряс наши руки, показал листы в руке, мол, некогда, и исчез.

Иерархия на заводе следующая: шефы – собственники завода, к приезду которых мы переодеваемся в парадную форму, Василич – директор завода, единоличный царь в отсутствие шефов, Ткач – начальник производства, а далее по отделам: начальники, замы. У меня вот – Гриша Мельник. Ещё есть пятый этаж: менеджеры, бухгалтерия, юристы, безопасность и секретари, но плевать мы на них хотели.

– Её глаза отражают сверкание бриллиантов, – рассказал я, – в этом их единственное практическое значение. В той комнате, где они находятся, правильное освещение. Бриллианты в колье преломляют пучки света, тянущиеся к ним с пяти разных точек. Она подносит колье к пьяным глазам, отдаляет и снова подносит. Тяжёленькое и шелестит.

– Старым тёткам тяжёлое не дарят, – поправил меня Мельник.

– Ведь она не обязательно старая. Она правильного возраста. И вот ему не сразу удаётся закрепить колье на её шее. «Нормально», – говорит он и делает осторожный шаг назад, чтобы рассмотреть, как получилось. Колье размером с крупную монетку поблёскивает в разрезе платья.

Мы на проходной у входа в цех. Перед металлоискателем. Новый перепуганный охранник кивает Мельнику.

– Колье придётся снять во время объятий – колет. Ещё оно запутается в её волосах. Из-за этого их богатенький пьяный коитус откладывается на несколько минут. Но вот колье аккуратно снято, уложено на столик, и к нему уже обернулись голыми задницами.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА